

*И.В. Яркова***Новые подходы в разработке общинной теории в отечественной средневековедении 70–90-х гг. XX в.***I.V. Yarkova***New Approaches to Develop the Community Theory in the Domestic Medieval Studies of the 70–90s of the XXth Century**

Раскрываются новые подходы в разработке проблемы общины в исследованиях известных отечественных средневековедов последней трети XX в., результатом которых стал отход от утвердившейся в советской средневековедении общинной теории и выработка новой концепции крестьянской общины.

Ключевые слова: методология, новые подходы, исследовательская методика, средневековедение, общинная теория, проблема общины, аграрный строй, раннее Средневековье, пересмотр, взгляды.

Хотя в 70–80-х гг. XX в. большинство отечественных историков занималось исследованием средневековой аграрной проблематики в соответствии с утвердившейся марксистской методологией и общепризнанными теориями и точками зрения, уже в это время отдельные представители исторической науки начали отходить от принципов официальной средневековедения и пересматривать свои взгляды по ряду ее проблем, в том числе и по проблеме общины. Более отчетливо это стало проявляться в 90-е гг., что, по видимому, было связано с переменами, происходившими как в политике и идеологии нашей страны, так и в отечественной исторической науке. Меняются методология и тематические предпочтения, расширяются возможности приобщения к достижениям мировой исторической мысли. В это время снижается интерес к аграрной тематике. Преимущественно средневековеды, становление которых как ученых пришлось еще на советский период, продолжают заниматься изучением аграрной истории раннего Средневековья, используя новую методологию, новые подходы к рассматриваемым явлениям и, соответственно, давая им несколько иную оценку.

Одним из первых на путь отхода от традиционных представлений относительно характера аграрного строя и поземельных отношений европейского раннего Средневековья вступил А.Я. Гуревич. По словам Л.М. Баткина, «А.Я. Гуревич с середины 60-х гг. на собственный страх и риск начал безоглядный и все нарастающий разрыв с господствовавшей догматикой,

The article describes the new approaches to the community problems in the famous domestic medievalist researches of the last third of the XXth century, where the deviation from the community theory established in the Soviet medieval studies to the new concept of the peasant community came as a result.

Key words: methodology, new approaches, research methodology, medieval studies, community theory, community problem, agrarian system, early Middle Ages, review, views.

оригинально повторяя опыт мировой исторической мысли, прежде всего, школы “Анналов”» [1, с. 67]. При этом отправным рубежом для А.Я. Гуревича стал вопрос о сущности ранних форм земельной собственности. К рассмотрению этого вопроса он обращался в той или иной мере в ряде работ конца 60-х гг. Однако более подробно позиция ученого относительно ранних форм земельной собственности изложена в статье «Проблемы земельной собственности в дофеодальных и раннефеодальных обществах Западной Европы», которая в расширенном виде вошла в книгу «Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе» – работу обобщающего характера и, по словам А.Я. Гуревича, являющуюся «поворотным моментом» в его развитии как историка [2, с. 22]. В этой книге он ставит под сомнение правомерность использования категории частной собственности при раскрытии сущности поземельного строя раннего Средневековья.

А.Я. Гуревич подвергает критике и широко распространенную в отечественной историографии идею о том, что переход к феодализму ознаменовался развитием частной собственности на землю (аллод). С целью показать отличия аллода от свободно отчуждаемой частной собственности он сопоставляет его с англосаксонским фольклором и древнорвежским одаем. В результате историк приходит к заключению, что даже после распространения прав наследования земли на женщин в отношении аллода, как и одаля, сохранялись ограничения при отчуждении. Свободы распоряжения им так и не возникло [3, с. 33].

Взгляды же А.Я. Гуревича относительно общины и ее основных форм не претерпели существенных изменений. Однако у него появляется представление об общине эпохи варварства и раннего Средневековья как гораздо более аморфном коллективе по сравнению с общинами, возникшими в результате «великих расчисток» XI–XII вв. [3, с. 178].

В дальнейшем во взглядах А.Я. Гуревича на общину произошли более существенные изменения. Так, в коллективном труде «История крестьянства в Европе» он дает уже иную, отличную от традиционно принятой в нашей историографии и имеющей место в его ранних работах характеристику общины у древних германцев и в период после варварских завоеваний [4, с. 90–136]. Он полагал, что древнегерманская община не являлась коллективным земельным собственником. Она состояла из хозяйств, каждое из них самостоятельно возделывало свой участок поля, находящийся в постоянном наследственном обладании семьи, возможно, большой.

Заслуживает внимания и то, что А.Я. Гуревич отрицает преемственность между древнегерманской общиной и общиной, сложившейся после варварских завоеваний. По его мнению, в начале Средних веков община видоизменяется. В этой новой общине индивидуальный дом и усадьба образовывали самостоятельные единицы и связывало их, помимо соседства, только пользование общинными угодьями. В регулировании пользования угодьями А.Я. Гуревич и видит характерную черту этой общины. Она, по его мнению, отличалась от древнегерманской общины, во-первых, тем, что стало меняться соотношение скотоводческих и земледельческих занятий в пользу последних, во-вторых, тем, что большая семья распалась. В Салической правде и в других памятниках раннего Средневековья историк не находит достаточных доказательств существования большесемейных коллективов. Не обнаруживает он и факторов, обуславливающих необходимость общинной регламентации пользования пахотными землями. Эти факторы сложились лишь в период зрелого Средневековья. Поэтому дальнейшая история общины в представлении А.Я. Гуревича состояла не в разложении ее, а, наоборот, в развитии и укреплении.

В статье «Историческая наука и научное мифотворчество» историк, выступая за переосмысление функций и задач исторического знания, за изменение общего видения истории, подвергает уже более острой критике общинную теорию [5, с. 76–80]. Автор включает ее в число научных мифов, с которыми нужно расстаться. А.Я. Гуревич, ссылаясь на новые данные археологии и истории древних поселений, утверждает, что в основе аграрного строя древних германцев было индивидуальное хозяйство, а не община. Он даже выдвигает предположение о «примитивном индивидуализме» германцев. В древнейших

памятниках германского права – судебниках и других источниках раннего Средневековья – историк также не находит никаких указаний на общину. Он утверждает, что сельская община обретает свои осязаемые очертания только в период развитого Средневековья. Объединение крестьян в соседскую общину было «частью более универсального процесса, одной из форм социального структурирования», характерного для этой эпохи [5, с. 79].

В 80-х гг. Ю.Л. Бессмертный попытался переосмыслить утвердившиеся в науке представления относительно характера становления феодализма на территории Северной Франции. В статье «Некоторые дискуссионные вопросы генезиса феодализма на территории Франции», основные положения которой затем вошли в одну из глав первого тома «Истории крестьянства в Европе», он предложил внести коррективы в трактовку исходного пункта социального развития Северной Галлии после падения Западной Римской империи, специфики синтеза там позднеантичных и варварских отношений, содержания основных этапов формирования феодально-зависимого крестьянства. По мнению Ю.Л. Бессмертного, новые данные, полученные в результате археологических и топонимических изысканий, свидетельствуют о более интенсивной романизации и о меньших масштабах франкской колонизации Северной Галлии в сравнении с тем, как об этом ранее принято было думать. Складывание же раннефеодальных отношений происходило при взаимодействии романских и германских институтов и традиций, но при определяющем значении первых. Исходя из этого Ю.Л. Бессмертный ограничивает социальную роль франкской общины и аллода в феодализационном процессе на территории Северной Франции. В статье дается определение франкской общины «как не всегда оформленной и рыхлой» организации [6, с. 183], которое позволяет провести аналогию с соответствующей характеристикой раннесредневековой общины А.Я. Гуревича.

С начала 90-х гг. и Я.Д. Серовайский обратился к проблемам истории раннесредневековой общины, используя уже новые подходы к их рассмотрению. В статье, посвященной вопросу о природе чересполосного землевладения, которая написана в соавторстве с его учеником Ю.Н. Каяшиным, подчеркнута необходимость разработки строгой теоретической модели общины, так как модель, созданная еще представителями марковой теории на основе наблюдений над общинными порядками позднего Средневековья, стала препятствием на пути углубления знаний о сельской общине и самом процессе генезиса феодализма. Особое сомнение у авторов вызывало признание принудительного севооборота в качестве основного структурного элемента этой модели [7, с. 87].

Можно согласиться с мнением Ю.Д. Серовайской и Ю.Н. Каяшина о том, что «Я.Д. Серовайский пред-

ложил новую методику изучения сельской общины: реконструкцию аграрного пейзажа конкретных территорий для извлечения информации о социальных структурах, оставивших следы своей хозяйственной деятельности на природе» [8, с. 183]. Исследуя в таком аспекте актовый материал с территории Юго-Восточной Бургундии, Я.Д. Серовайский и Ю.Н. Княшин сделали вывод о господстве там в изучаемое время рассредоточенного чересполосного землевладения, элементарной частицей которого была парцелла, представлявшая собою часть поля и компонент владельческого комплекса. В источниках они обнаружили данные, свидетельствующие о генетической связи такой структуры землевладения с общинной организацией. Однако наблюдение над характером эксплуатации парцелл позволило историкам прийти к заключению, что чересполосное землевладение с системой полей ни генетически, ни функционально не было связано с принудительным севооборотом, так как большая часть полевых массивов имела пеструю хозяйственную структуру. Поэтому они выступили против признания принудительного севооборота в качестве универсального критерия существования сельской общины и включения его в теоретическую модель последней.

Итак, в начале 90-х гг. Я.Д. Серовайский, оставаясь сторонником существования общины в раннесредневековый период, все же попытался, используя новую методику, конкретизировать представления о ней. В последние же годы жизни во взглядах ученого по проблеме общины произошли более существенные изменения.

В 1997 г. была опубликована статья Я.Д. Серовайского по истории древних германцев, в которой он попытался соотнести свидетельства Цезаря об аграрном строе германцев с данными новейших археологических изысканий [9, с. 5–36]. Необходимость такого исследования была обусловлена тем, что результаты раскопок на территории Ютландии противоречили описаниям аграрных распорядков германцев, данным античными писателями, и привели к полному отрицанию некоторыми исследователями научной значимости этих описаний [4, с. 92–94; 10, с. 12].

Я.Д. Серовайский не согласился с появившейся в литературе отрицательной оценкой познавательной роли сообщений античных авторов ввиду того, что археологические данные не позволяют в полной мере объяснить все проявления жизни германцев. Вместе с тем, дав собственную интерпретацию сообщений Цезаря и сопоставив их с данными археологии, он предложил трактовку аграрного строя древних германцев, существенно отличающуюся от утвердившейся в отечественной медиэвистике советского периода. С его точки зрения, в основе землепользования у германцев лежал принцип индивидуализма, обусловленный особой формой их общественного

отношения к окружающей среде как к ничейному пространству, на которое все имели одинаковые права. Для общины как субъекта коллективной собственности в предложенной трактовке места не осталось. Определяя значение археологических материалов, Я.Д. Серовайский прямо отмечает, что «они выявили бесплодность сложившейся в науке традиции использовать сочинения римских писателей для обоснования теорий, которые являлись экстраполяцией в древнегерманское прошлое представлений об институтах и аграрных порядках, характерных для экологических отношений более позднего времени (коллективная – частная собственность, общинные разделы и пределы земли)» [9, с. 34].

В двух последних статьях Я.Д. Серовайского, опубликованных уже после его смерти, была предпринята попытка пересмотра также традиционных для советской медиэвистики представлений об аграрном строе раннесредневековой Европы, в основе которой лежало стремление рассматривать явления прошлого с точки зрения изменяющегося взаимодействия общества с окружающей средой.

В статье «О структуре аграрного пейзажа в Алеманнии VIII–IX вв.» Я.Д. Серовайский и Ю.Н. Княшин путем истолкования значения термина «*zelga*» в Сен-Галленском картулярии стремятся доказать несостоятельность представления о повсеместном распространении на территории завоеванных германцами римских провинций системы полей (конов) с принудительным севооборотом, явившихся результатом целенаправленной деятельности общины. Авторы считают неубедительными доводы историков, проводивших аналогию между значением термина «*zelga*» в VIII–IX вв. и в период позднего Средневековья, когда он использовался для обозначения структурных единиц аграрного пейзажа, которые являлись одновременно элементами системы полей и полями коллективного севооборота, и на этом основании признававших существование такой структуры аграрного пейзажа в раннее Средневековье, по крайней мере в Алеманнии.

Историки полагают, что на территориях варварских королевств продолжали сохраняться характерное для древних германцев отношение к окружающему ландшафту и практиковавшееся его освоение в форме индивидуальной заимки. А это исключало возможность возникновения системы полей как доминирующей структуры аграрного пейзажа, которая бы являлась «результатом целенаправленной землеустроительной деятельности какой-либо общности. Соответственно, выступающие в Сен-Галленских грамотах реалии под названием *zelga* и ее латинских эквивалентов не могли быть элементами этой системы и выполнять приписываемые им учеными функции» [11, с. 72]. Анализ грамот Сен-Галленского картулярия и документов смежных с Алеманнией регионов привел исследо-

вателей к мысли, что *zelga, aratura, sicio* являлись севооборотными полями на господской земле лишь некоторых вотчин. Они выносят за пределы раннего Средневековья развитие процессов, которые вызовут к жизни целенаправленную землеустроительную деятельность общин, приведшую к возникновению системы полей как структуры аграрного пейзажа, связанной с применением принудительного севооборота.

В сущности, в рассмотренной статье Я.Д. Серовайский и Ю.Н. Каняшин отстаивают идею об отсутствии в раннесредневековый период общины, выполнявшей функции землеустройства, и относят ее возникновение к более позднему времени. Наиболее же полное выражение новые взгляды Я.Д. Серовайского получили в статье, посвященной анализу смыслового значения понятия *terra salica* и его словоупотребления в различных редакциях Салической правды в связи с эволюцией аграрных отношений во франкском обществе, рассматриваемой под углом зрения изменений в общественном отношении к земле [12, с. 11–42].

Я.Д. Серовайский, используя новый подход, нарисовал картину изменений в аграрном строе франков, которая в своих характерных чертах отличается от созданной А.И. Неусыхиним и получившей признание в отечественной историографии советского периода. Для построения Я.Д. Серовайского характерно отрицание роли большой семьи и общины в процессе формирования индивидуальной собственности на землю у франков.

В 90-е гг. претерпела некоторые изменения также позиция Л.Т. Мильской по проблеме общины. Соответствующее предположение позволяют сделать отдельные положения ее историографических работ. Так, в статье, посвященной жизни и деятельности А.И. Неусыхина, Л.Т. Мильская, не умаляя научной значимости его исследований об общине, высказывает мысль, что «по условиям времени он был лишен возможности дать соответствующие разъяснения по поводу своего отношения к общине-марке как к институту гораздо более позднего периода и был вынужден пользоваться этим термином в работах, трактующих раннесредневековые формы и стадии развития общины в германских землях» [13, с. 235]. Эта же мысль была выражена и в разделе о А.И. Неусыхине, написанном Л.Т. Мильской для коллективного труда «Портреты историков. Время и судьбы» [14, с. 212], хотя, на наш взгляд, работы А.И. Неусыхина не содержат данных, позволяющих сделать подобное

суждение. Скорее всего, Л.Т. Мильская в противоположность своим прежним взглядам стала выносить время возникновения общины-марки за хронологические рамки раннесредневекового периода. Наиболее отчетливо эта идея получила выражение в разделе, посвященном Н.П. Грацианскому, при анализе данной им трактовки вопроса об общине в книге «Бургундская деревня в X–XII столетиях». Л.Т. Мильская отметила, что Н.П. Грацианский отыскивал формы общинности ведения хозяйства в Бургундии в X–XII вв., без которых вообще не может существовать крестьянский двор, и «его построения как бы предостерегают от перенесения таких, несомненно, существовавших элементов общинности на учение об общине-марке, институте значительно более позднего времени» [15, с. 182].

Таким образом, Л.Т. Мильская отказалась от признания общинной теории в том виде, в каком она утвердилась в советской медиевистике и принималась ею ранее. Не отрицая существования элементов общинности в аграрном строе раннего Средневековья, она стала рассматривать общину-марку в качестве института более позднего времени, т.е. развитого Средневековья. И в этом ее взгляды в какой-то мере стали схожи с воззрениями западных историков, в отношении которых она прежде высказывала критические замечания [16, с. 61–71].

В целом можно сделать вывод, что по мере отхода от марксистской методологии, овладения новой исследовательской методикой и ознакомления с новым фактическим материалом, в частности с последними данными археологии, отечественные медиевисты начинают пересматривать свои взгляды по отдельным проблемам раннесредневековой аграрной истории, к числу которых относится и проблема общины. Вначале предпринимается попытка внести коррективы в традиционные представления об общине, а затем появляется фактическое отрицание ее роли в аграрной эволюции раннего Средневековья. Выдвигается новая концепция крестьянской общины, по которой окончательное ее оформление как организации, выполняющей определенные хозяйственные и административные функции, относится к периоду классического Средневековья и рассматривается как продукт длительного развития, прежде всего – роста и сплочения населения, внутренней колонизации и изменения способов обработки почвы, которые потребовали создания системы внутриобщинных распорядков.

Библиографический список

1. Баткин Л.М. О том, как А.Я. Гуревич возделывал свой аллод // Баткин Л. Пристрастия : избранные эссе и статьи о культуре. – М., 1994.

2. Гуревич А.Я. «Генезис феодализма» и генезис медиевиста. Злые мемуары в роли предисловия // Избранные труды : в 4 т. – М. ; СПб., 1999. – Т. 1.

3. Гуревич А.Я. Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе. – М., 1970.
4. Гуревич А.Я. Аграрный строй варваров // История крестьянства в Европе. Эпоха феодализма. – М., 1985. – Т. 1.
5. Гуревич А.Я. Историческая наука и научное мифотворчество // Исторические записки. – М., 1995. – Вып. 1 (119).
6. Бессмертный Ю.Л. Некоторые дискуссионные вопросы генезиса феодализма на территории Франции // Средние века. – 1984. – Вып. 47.
7. Серовайский Я.Д., Каняшин Ю.Н. О природе парцеллярного землевладения в средние века (к вопросу о теоретической модели сельской общины) // Средние века. – 1990. – Вып. 53.
8. Серовайская Ю.Я., Каняшин Ю.Н. Яков Давидович Серовайский (1912–1997) // Новая и новейшая история. – 1999. – №6.
9. Серовайский Я.Д. Сообщения Цезаря об аграрном строе германцев в соотношении с данными новейших археологических исследований // Средние века. – 1997. – Вып. 60.
10. Hatt G. Das Eigentumsrecht an bebauten Grund und Boden // Zeitschrift für Agrargeschichte und Agrarsoziologie. – 1955. – Jg. 3, H. 2.
11. Серовайский Я.Д., Каняшин Ю.Н. О структуре аграрного пейзажа в Алемании VIII–IX вв. (в связи с толкованием термина *zelga*) // Средние века. – 2001. – Вып. 62.
12. Серовайский Я.Д. О понятии *terra salica* в Салической правде // Средние века. – 2002. – Вып. 63.
13. Мильская Л.Т. А.И. Неусыхин – выдающийся ученый и педагог // Вопросы истории. – 1991. – №2–3.
14. Мильская Л.Т. Александр Иосифович Неусыхин // Портреты историков. Время и судьбы. Т. 2: Всеобщая история. – М., 2000.
15. Мильская Л.Т. Николай Павлович Грацианский // Портреты историков. Время и судьбы. Т. 2: Всеобщая история. – М., 2000.
16. Мильская Л.Т. К вопросу о трактовке проблемы сельской общины в современной историографии ФРГ // Средние века. – 1975. – Вып. 38.